

Л. И. ДЕВЯТКОВА

РЕМ ВИКТОРОВИЧ ХОХЛОВ: ФРАГМЕНТЫ БИОГРАФИИ *

Я люблю моих современников, тружеников земли!.. Я уважаю их деятельную, искательную мысль, их творческое беспокойство, их прошлое, полное героев и мудрецов. Мне дороги их отличные театры, их обсерватории, где пальцами лучей они считают светила, их университеты, где по граммам выплавляется бесценное знание человечества, их стадионы, парки, лаборатории, самые города их. Они умеют всё – делать чудовищные машины, послушные легчайшему прикосновению руки, создавать великолепные произведения искусства, которые – как цветы, что роняет, шествуя по вечности, Человек!.. Все это под ударом сейчас...

Леонид Леонов

Люди высоких духовных качеств снова займут подобающее им место; сильные движения души снова покажутся привлекательными...

Анри Стендаль

Я открыл, что есть бессмертие, что есть любовь и что для того, чтобы быть вечно счастливым, надо жить для других.

Лев Толстой

В предисловии к книге «Роберт Вуд» о замечательном американском физике автор Вильямс Сибрук писал, что «американские мальчики любят изобретать и делать разные штуки – змеи, взрывы, рогатки... Они любят отчаянные и дерзкие проделки». И таких сверходаренных мальчиков, как Роберт Вуд и Марк Твен с его героями Томом Сойером и Гекком Финном, судьба награждает с детства «могучими игрушками». Для Марка Твена это была «Миссисипи, с ее плотами, наводнениями и пароходами». Для Роберта Вуда – «огромный

* Книга «Академик Р. В. Хохлов – ректор Московского университета» готовится к выходу в свет в издательстве МГУ в 2005 г.

грохочущий завод Стэнтеванта, с его двигателями, гидравлическими прессами, печами и химическими цехами...»

Марк Твен и Роберт Вуд – «два гения, два гиганта Америки», работавшие в совершенно различных областях деятельности, но наделенные чем-то общим, фантастическим, прометеевским, сохранившие на всю жизнь мечту американских мальчишек, ставших великими людьми, «но так и не ставших взрослыми». Именно американских, потому что «Америка выросла в них корнями». «Ни одна другая страна в мире не смогла бы произвести такого человека», – пишет Сибрук о Роберте Вуде ¹.

Не будем излишне скромными и скажем, что и в России никогда не переведутся такие талантливые, дерзкие, красивые мальчишки, как Юрий Гагарин, Сергей Королев, Валентин Глушко – символы нашей космонавтики, как Валерий Чкалов, Игорь Курчатов и как Рем Хохлов,.. которые не расстанутся с мальчишеской мечтой до конца своих дней, вырастая достойными, мужественными, самопожертвованными, строгими и надежными, окрыленными высокой мыслью, нежными и пылкими зрелыми людьми, выросшими в свою страну корнями, сохранившими мальчишество как свидетельство неодолимости возвышенных юношеских идеалов.

Если следовать аналогии и далее, то можно сказать, что судьба и наших героев награждает великолепными «игрушками». Для Рема Хохлова это была нелинейная волновая физика, представляющая собой вдохновляющий, неисчерпаемый объект для изучения, несущая в себе такое мощное, всеобъемлющее оружие познания, как лазеры. Здесь нужно добавить, что не только игра ума вдохновляет русского гения, но более того – служение Отечеству.

Рем Хохлов – обычный русский советский мальчишка, родившийся в самом центре России, на прославленной великими именами Орловщине, и «ни одна другая страна в мире не смогла бы произвести такого человека...» – «Человека с огнем Прометея, – как называли своего ректора студенты МГУ. – Страстность, с которой он отдавался делу, была основой его натуры. Его деятельность – живой пример упорства в достижении цели, душевной щедрости и нравственной чистоты» ².

* * *

Имя Рэм родители дали сыну как символ великих событий, которые переживала в те годы Россия – Революция, Энгельс, Маркс! Революция, электрификация, мир! Это было дыхание времени.

Но так случилось, что паспортистка ошиблась при обмене паспорта, написав – Рем. Он не стал настаивать на исправлении. Это так характерно для него – полное небрежение к себе и немного фатализм – пусть будет то, что будет. Он был так внимателен к делу, которому служил, к прекрасной жизни за окном лаборатории, к людям, окружавшим его, и так мало притязателен к об-

¹ Сибрук В. Роберт Вуд. Современный чародей физической лаборатории. М., 1960. С. 11.

² Мы из МГУ. Сб. статей. М., 1978. С. 66.

стоятельствам, не более чем сопутствующим тому главному, что составляло его жизнь, – науке.

Минимум потребностей и максимум самоотдачи – так можно определить формулу, по которой он жил. Так воспитали его родители.

Рем Хохлов родился в 1926 г., в четверг, 15 июля в городе Ливны, расположенном в юго-восточной части Орловской области, – в городе, построенном на высоком красивом берегу у впадения речки Ливенки в Быструю Сосну.

Ливны известны в летописях с XII в., но во времена татарского нашествия город был полностью уничтожен и только в 1586 г. снова отстроен. Как один из северных (Ливны, Елец, Липецк) форпостов Войска Донского он защищал границы Московского государства все последующие века.

В 1941 г. второй раз в истории город был разрушен немецко-фашистскими завоевателями. Мамай XX века прошелся по этим землям, сжигая все кругом. Среди множества других зданий полностью уничтожен краеведческий музей с его ценнейшими историческими документами. Музей, который создан в 1918 г. – в разгар Гражданской войны! [...] И только в 1966 г. жители Ливен сумели восстановить свой музей, собирая утерянные свидетельства времени.

Город знаменит выдающимися представителями, имена которых известны и за пределами России. Среди них Н. Я. Данилевский, известный публицист, идеолог панславизма, прославившийся книгой «Россия и Европа», С. Н. Булгаков, православный философ, работы которого, как известно, изучал Сталин, П. М. Садовский, великолепный русский актер, гениальный исполнитель ролей в пьесах А. Н. Островского. Среди знаменитых людей города есть и представители поколения 20-х гг.: академик РАН, ректор Московского физико-технического института О. М. Белоцерковский, создатель высокоточного оружия А. Г. Шипунов, а также академик, вице-президент АН СССР, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС, ректор Московского университета Р. В. Хохлов.[...]

* * *

Неподалеку от Ливен в селе Фошня Колпнянского района 2 марта 1906 г. родилась мать Рема Викторовича – Мария Яковлевна Васильева, женщина, бесспорно, выдающихся способностей.

Дочь деревенского священника, рано оставившая родительский дом и вступившая в комсомол, восемь лет проработавшая на московской обувной фабрике «Буревестник», поступившая в Московский государственный университет и выбравшая своей специальностью самую передовую область науки XX столетия – физику, защитившая кандидатскую диссертацию, преподававшая в университете в звании доцента, давшая родине выдающегося сына, – это пример незаурядной биографии.[...]

Каждый шаг, сделанный в жизни Марией Яковлевной, свидетельствует о характере, умении понять события, выработать и занять позицию, которой она будет верна всю жизнь. В 1925 г. она выходит замуж за Виктора Христофоровича Хохлова, в 1926 г. у них родился сын.[...]

* * *

Виктор Христофорович Хохлов, отец Рема Викторовича, родился 18 октября 1902 г. в селе Сергиевском Крапивненского района Тульской области.

Тула, Орел, Ливны, Елец, Липецк – это одна центральная исторически значимая часть России; земля междуречья – Упы, Оки, Сосны, Дона, Воронежа.

Бесконечные зеленые и голубые просторы. Спокойные реки, песчаные берега, отмели. Лесные озера. Луга, овраги, холмы, перелески, переходящие в даль степей. От названия деревень, городов и рек веет и недавней и древней историей: Ясная Поляна, Мценск, Спасское-Лутовиново, Чернава, Лебедянь, Зуша, Неручь, Быстрая Сосна, Красивая Меча, Дон...

В 1917 г. Виктору Хохлову исполнилось пятнадцать лет – возраст, когда осознанно можно выбирать жизненный путь. Он еще учится в школе и, окончив ее, вступает в ряды РКСМ. Читая книги Катаева, Горького, Вересаева, легко представить, в какие грандиозные события была вовлечена тогда молодежь. В эти годы она выросла быстро, определяя четкое отношение к событиям, людям, самой себе.

* * *

В виде небольшого отступления хочется привести здесь пример из жизни Игоря Евгеньевича Тамма, выдающегося теоретика в области ядерной физики, Нобелевского лауреата, Героя Социалистического Труда, оказавшегося в эти годы в возрасте, не на много большем, чем возраст Виктора Хохлова. Отец Тамма был известным инженером и мечтал, чтобы сын продолжил его дело. Но это был 1917 год. «Быть инженером на фабрике значит идти против рабочих, – ответил сын. – Может быть, когда-нибудь я отойду от политики, но никогда не буду бороться против своих единомышленников и никогда не перейду на другую сторону баррикад». В 1917 г. Игорь Тамм стал делегатом Первого съезда советов, членом Исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов. И он стал ученым-физиком. Это о нем академик Е. Л. Фейнберг произнес примечательные слова: «Тамм умер в стране, социальный строй которой отличался от России его молодости так же, как отличается от трехлинейной винтовки введенная на вооружение уже давно не урановая, но водородная бомба»³. Такую Россию построило поколение Игоря Тамма и Виктора Хохлова. Ее продолжало строить поколение сыновей. Примечательно то, что, встретившись в жизни, Евгений Тамм и Рем Хохлов (оба – физики и альпинисты) стали друзьями. Дороги отцов и сыновей как бы слились в одну единую линию.

* * *

С 1931 г. Виктор Христофорович уезжает на Дальний Восток, его семья живет в Зарядье в Москве. Маленький Рем ходит в детский сад, куда его водит

³ Воспоминания о Е. И. Тамме. М., 1981. С. 210.

дедушка. Однажды детский сад посещает Надежда Константиновна, разговаривает с детьми и пятилетним Ремом. Об этом эпизоде будут помнить его родители. Рем каждое лето с детским садом проводит на подмосковной даче. Потом, став школьником, он будет проводить летние месяцы в пионерских лагерях.

Первое самостоятельное решение в жизни Рем принял, когда ему исполнилось шесть лет, – он отправился в школу. В ту осень его друг Кирилл поступил учиться в первый класс, а Рем, как говорила бабушка, уже умел писать, красиво выводя печатные буквы. Но оказалось, что в школу, к великому его огорчению, он будет принят только через два года.

Здесь стоит сказать, что бабушка очень заботилась о нем, и Рем нежно любил ее. Она говорила, что с таким ребенком у нее не было и не могло быть проблем, он уже в детстве умел правильно вести себя в самых разных обстоятельствах. Он был прилежен; хотя, конечно, «Рем был совсем не тихоня, – говорил отец. – Ему, к великому огорчению любящей его бабушки, иногда попадало от деда и отца. Да и как было оставить без внимания такие проделки: цепляясь специально изготовленным им крючком за проезжавшие машины при катании на коньках, он чуть было не попал под автомобиль; или, гоняя по лесам строившегося дома, ухитрился с лесов четвертого этажа слететь на третий и чудом уцелеть на глазах у оцепеневших родных. Словом, пай-мальчиком было назвать его никак невозможно. Но будучи озорником, он был добрым, трудолюбивым и правдивым мальчишкой». Эта внешняя несочетаемость качеств была специфической особенностью характера Рема Хохлова, оставшейся на всю жизнь.

Бабушка оберегала внука от всех бед. При такой напряженной жизни, которой жили родители Рема, мальчику очень повезло, что у него была замечательная бабушка. Судьба наградила ее – она видела первые успехи внука в науке, видела его свадьбу, первые годы жизни с молодой женой, рождение правнука... Но простудившись, Мария Гавриловна скоротечно умерла от воспаления легких. Рему Викторовичу было тогда двадцать семь лет. Ночью Мария Гавриловна позвала его к себе, чтобы проститься, и умерла у внука на руках. Он тяжело перенес ее смерть.

Семья Хохловых. Сидят: бабушка Мария Гавриловна и Мария Яковлевна Васильева с сыном. Рему исполнился год. Стоят: Христофор Федорович и Виктор Христофорович, 1927 г.

* * *

Просматривая книгу В. И. Григорьева о Реме Викторovichе Хохлове, хочется процитировать замечательные страницы воспоминаний, в которых приводится первая характеристика, данная пятилетнему Рему в детском саду.

«...Передо мной пожелтевшая, протершаяся по изгибам бумага. Ей немногим менее пятидесяти лет. Это – характеристика (первая!) Хохлова, написанная сотрудниками детского сада...

Немного сухо и официально звучит первая фраза: “В коллектив вошел сразу, дружит с группой мальчиков, три-четыре человека. Коллектив к ребенку относится хорошо...”

В полной мере останутся применимы слова: “В коллектив вошел сразу”, и всегда коллектив... будет относиться к нему хорошо. Более того, он станет центром и душой будущего большого коллектива, который назовут школой Хохлова. И что всего важнее, произойдет это так естественно и органично, что будет трудно представить, что могло быть как-то иначе.

Читаю дальше: “Бывают ли конфликты с детьми?” Это напечатано на машинке. И от руки: “Бывают редко”.

Потом выработается и станет одной из основных норм поведения такая деликатность и внимательность к людям, которая удивительно «разряжала» казавшиеся неотвратимыми конфликты. Потом даже найдутся люди, которые упрекнули его за бесконфликтность, но упрекнули незаслуженно – когда это было действительно нужно, он умел и подражаться...

“Подчиняется ли режиму и дисциплине?” Ответ рукой воспитательницы: “Подчиняется, но всегда опаздывает”.

Да и как было успеть, ведь все нужно делать так основательно! И дальше: “Любит творческие игры, работать не очень любит, любит рисовать”.

Это очень примечательно – явственное проявление (конечно, по-детски) творческого начала. Это бросалось в нем в глаза всегда. Он напряженно и даже азартно отдавался творчеству. Работа без творчества была для него не то чтобы чем-то тягостным, но хочется сказать, – неестественным. Конечно, ему придется делать много трудной, порой почти непосильной, и не всегда творческой работы, но вовсе не она, а именно творчество окажется его делом.

“Умеет ли поставить себе цель, добиться ее?” Здесь ответ состоит из одного слова: “Умеет”. Вероятно, это уже тогда не вызывало сомнений. Но тут же: “Хорошо ли преодолевает препятствия?” Ответ: “Слабо”.

Не очень понятно, какого рода препятствия «слабо» преодолевал четырехлетний Рем, “спокойный, внимательный”, как написано дальше, хотя и вовсе не безгрешный: “За столом смешит детей”. Мне почему-то кажется, что разные дети просто по-разному решают вопрос о том, какие препятствия действительно стоит преодолевать.

Заканчивая, умный и наблюдательный воспитатель, порекомендовав “дать побольше самостоятельности” и отметив, что мальчик “требует поощрения”, пишет: “Привязанность к семье бросается в глаза по сравнению с другими детьми”.

Эта черта – тоже навсегда. И она вполне естественна – так хорошо и органично, так правильно складывалось все в семье...»⁴

* * *

Начало 30-х гг. В 1933 г. Отец получает новое назначение. Он командировается на строительство канала Москва – Волга.

Рем в 1934 г. поступает в Зарядье в школу № 403. Мария Яковлевна, получив как передовая работница фабрики «Буревестник» направление профсоюзом на учебу в Московский университет, с 1932 г. учится на физическом факультете МГУ.

Может показаться удивительным, что работница с обувной фабрики выбирает для учебы в университете физику. Но это, как показывает история, было общим и последовательным движением страны. Уже в начале 20-х гг. правительство сформулировало задачу – воспитание в молодом поколении «серьезной тяги к овладению наукой и техникой».

Конец 20-х и начало 30-х гг. – это было движение всех общественных сил за овладение наукой и техникой. Под такими лозунгами в стране шла грандиозная работа по созиданию новой жизни. Вот что говорил в то время Н. И. Вавилов: «Мы можем уступать нашим соседям временно в общем уровне нашего благосостояния, нашего обихода жизни. Единственно, в чем мы не можем им уступать, это в вооружении нашего интеллекта. Если в силу необходимости, мы обязаны держать нашу армию, наш морской и воздушный флот на уровне наших соседей, то еще более это касается армии исследователей, без которой немислимо представить себе какой-либо серьезный прогресс нашего Союза»⁵. А посетивший в это время Советский Союз Бернард Шоу писал: «Россия... становится энергичной, трезвой, чистой, по-современному интеллектуальной, независимой, цветущей и бескорыстной коммунистической страной». Вот что ценят в нас, чего ждут от нас наши иностранные интеллектуальные соседи.

* * *

В 1937 г. закончилось строительство канала Москва – Волга. Виктор Христович как один из ведущих руководителей награждается орденом Трудового Красного Знамени. В этом году его семья получает новую квартиру в доме на Первой Мещанской улице, построенном специально для строителей канала. Рема переводят в новую школу № 290. Маленькая подробность из его жизни, которую рассказала Мария Яковлевна, позволяет представить образ одиннадцатилетнего мальчишки – он здорово научился плавать, приезжая к отцу на канал, очень увлекается верховой ездой. Он свободен, развивается и физически, и умственно, и духовно. Можно сказать, что он получает все, что нужно для развития его склонностей, воспитывается в любви, и характер его к этим годам уже вполне определяется.

⁴ Григорьев В. И. Рем Викторович Хохлов. М., 1981. С. 4.

⁵ Дорофеева В., Дорофеев В. Время, ученые, свершения. М., 1975. С. 81.

Интересно об этом времени рассказала Наталья Леонтьевна Капкова, с которой Рем Хохлов вместе учился и жил в одном доме на Первой Мещанской улице до войны.

«Наш дом на Первой Мещанской (теперь это Проспект Мира) был подарен строителям канала Москва – Волга лично Сталиным. В нем жили и архитекторы, и администраторы, ведущие специалисты, строители, ударники стройки. Некоторые из этих людей в какое-то время были даже заключенными. За ударную работу их тогда же освободили, они получили по специальности работу в Москве, и некоторые из них получили квартиры в этом доме.

Так случилось и с моим отцом. Он работал в Архангельске, строил дома. Но на стройках бывают всякие ситуации. Отцу пришлось поступить в распоряжение ГУЛАГа. Он отсидел в Казахстане, хорошо там работал, и его пригласили в Москву на строительство канала. Сначала мы жили в Хорошево-Мневники, поблизости от строительства, а тогда это была настоящая деревня. И вот мы получили квартиру в Москве в ведомственном доме. Это был очень престижный дом, квартиры в нем в основном получали люди, занимавшие на стройке большие посты...

Дом наш был семиэтажным. С Хохловыми мы были соседями, жили на одном этаже, но в разных подъездах. Квартиры были четырехкомнатными, с большими холлами, коридорами, паркетным полом и балконом. Наш этаж был предпоследний, а балкон объединял обе квартиры, и мы очень тесно общались друг с другом.

Мы учились с Ремом в одной школе, расположенной прямо напротив нашего дома. Это было пятиэтажное здание из красного кирпича постройки 30-х гг. Сейчас здание со стороны проспекта не видно, оно загорожено современными домами, а раньше мы ходили в школу прямо через улицу. Движение было незначительным, наши родители не беспокоились за нас. Школа была так близко, что я из окна класса видела, как мама мыла в квартире окна.

В нашей школе часто проходили праздничные и тематические вечера, но я не могу вспомнить на них Рема. Он был очень домашний мальчик. В нашем дворе и дети, и взрослые играли в волейбол, мальчишки часто хулиганили, но Рем в дворовых затеях не участвовал. Я помню его стоящим на балконе своей квартиры и внимательно наблюдающим за тем, что происходит во дворе. Он был очень дисциплинированным, аккуратно одетым; так же как и Мария Яковлевна, которую я помню всегда в ослепительно белой кофточке. Рем был очень скромным, вежливой мальчишкой, очень поглощенным какими-то собственными проблемами. Мария Яковлевна часто брала его с собою в университет, и я помню, как они вдвоем отправлялись через наш двор на университетские лекции. Но каким он был в классе, я не знаю, поскольку я училась в школе классом старше.

В те времена, когда мы были школьниками, Рем часто бывал у нас, заходя через балкон, например, для того, чтобы взять из библиотеки отца какую-нибудь книгу. Меня поражали его способности. Он, к моему удивлению, досконально изучил увесистый фолиант «Божественной комедии» Данте. Конечно, наизусть он многое знал из Пушкина и других великих поэтов. Постоянно брал читать двухтомное собрание сочинений Жуковского. Это было

очень красивое подарочное издание в толстом элегантном переплете, отпечатанное на тонких листах бумаги с потрясающими иллюстрациями. Мне было интересно проверять, насколько точно он знает текст. Он его знал очень хорошо, но больше всего меня удивляла его заинтересованность этими темами, ведь ему тогда было тринадцать-четырнадцать лет. Эта его серьезность, его интерес к университетским лекциям, пристрастие к чтению совсем не детской литературы удивляли даже взрослых. Его очень рано зачислили в разряд одаренных детей, хотя вундеркиндом – мальчиком не от мира сего – он не был.

Войну мы тоже прожили в этом доме. Примерно года до сорок третьего квартира Хохловых была пустой. Я знала, что родители Рема на фронте, но и его я не видела. Но в 1943 г. все собрались, и мы снова общались с Ремом через балкон. И я, и он поступили в институты, затем он перевелся в университет. В 1948 г. я закончила свой институт и уехала работать в Ригу, а когда летом 1949 г. приехала домой в отпуск, то услышала от Марии Яковлевны слова, которые, может быть, были не очень серьезны, но они меня взволновали: «Наташка, – сказала Мария Яковлевна, – ты знаешь, а ведь Рем был в тебя влюблен». Я этого не знала. Если бы знала, может быть, не уехала бы в Ригу.

Мне приятно вспомнить, как хорошо мы жили. Отец был дважды лауреатом Сталинской премии, имел большой пост, хорошую работу. На советскую власть никто зла не держал. Мы были во всем востребованы. Все невзгоды, которые порой обрушивались на тех или иных людей, очень быстро забывались. Ведь строилась новая и правильная жизнь. Люди трудно привыкали к новым государственным законам. Иногда в чем-то по незнанию, в чем-то по легкомыслию, по недоразумению могли нарушить их и, конечно, несли наказание. Но главное – власть поощряла тех, кто трудился на государство. Так мы жили. Это было время, когда власть была во всем права».

* * *

Математические способности обнаружили у Рема очень рано. Преподаватель математики рассказывала, что он самостоятельно, используя аналогии, справлялся с доказательством самых разных теорем. «Минуя школьные правила, он находил собственные методы решения задач. Мне даже, – говорила она, – иногда бывало нелегко понять его подход. Никогда раньше я не видела такого оригинального мальчика». Учителя прочили своему ученику большое будущее.

Мария Яковлевна регулярно приводила сына на физический факультет. Он бывал в лаборатории Самсона Давыдовича Гвоздовера, в лаборатории матери, слушал воскресные лекции на физфаке, приходил в практикум кафедры электронных и ионных процессов, где Мария Яковлевна проводила занятия со студентами и куда приходил и другой школьник – Вольфрам Капцов. [...]

Рем с удовольствием посещал факультет, и Мария Яковлевна брала сына даже на вступительные экзамены. Однажды, наблюдая, как абитуриент никак

не может ответить на вопрос, на что нельзя делить число, ее сын не выдержал: «Ну на нуль же!» И уже став ректором, Рем Викторович вспоминал: «В школе я больше всего любил математику и географию. Да, не удивляйтесь, я и сейчас убежден, что география – одна из самых увлекательных наук. Это было давно. Еще до войны. Я учился в школе в Москве, на Проспекте Мира, и моими любимыми учителями были Зинаида Ивановна Потехина, по математике, и учитель географии Борис Самуилович».

Конец 30-х гг. был в семье Хохловых насыщен значимыми событиями, среди них – получение Марией Яковлевной диплома с отличием, зачисление ее в 1938 году в аспирантуру, избрание секретарем партбюро Института физики МГУ и затем в июне 1940 г. секретарем партбюро физического факультета.

* * *

Ниже мы публикуем несколько воспоминаний о Марии Яковлевне и ее семье, и среди них яркие и очень значимые воспоминания подруги Марии Яковлевны, учившейся вместе с ней в аспирантуре физического факультета, – Анастасии Николаевны Полянской.

«Это была замечательная семья. Мария Яковлевна и Виктор Христофорович. Оба были скромные люди. Он и она. Два кристалла чистой пробы. Люди фантастической порядочности. Таких мало в нашем мире.

С самыми высокими мыслями пришли они в комсомол. Оба стали членами партии. Это руками таких людей строилось Советское государство, такие люди в те времена представляли советскую власть. Я сейчас с удовольствием перечитываю книгу Александра Вертинского, прочту вам из нее отрывок. Вот что говорил князь Сергей Оболенский, будучи за границей, о людях новой России.

“Сто восемьдесят миллионов трудолюбивых людей, порой в тяжелейших условиях камень за камнем строят новую жизнь, постепенно познавая всю прелесть творческого труда, и через этот труд они так любят все, ими самими построенное.

Они любят свою страну, которая дала им жизнь. Поэтому там у них и должна расти и крепнуть осознанная и жертвенная любовь к своей стране. Мы все – русские. И здесь тоже. Зарубежную Русь выдумали политические скопцы и провинциалы. Настоящая Русь – там!”⁶

Иначе, как подвигом во имя будущего России, труд нашего поколения не назовешь. Возвращаясь к тем далеким годам, анализируя время, его стремительный бег, понимаешь, что народ, строивший новое государство, был готов к этому подвигу, к этой исторической миссии – построению государства без эксплуатации, государства освобожденного народа. Разве народ своим трудом не доказал, что был прав?

Мария была безотказной и добросовестной во всех своих делах и поступках. Она поздно поступила в университет, и ей было уже тридцать два года, когда она начала учиться в аспирантуре. Она очень старалась учиться, хотя

⁶ Вертинский А. Дорогой длиною... М., 1990.

часто ей бывало трудно, и она, мучаясь над каким-нибудь заумным вопросом, говорила: “Ну что ты хочешь, Стаська! Ведь я простая башмачница!”

Она действительно пришла на факультет по разрядке с обувной фабрики, но она была особенным человеком, очень способная к наукам, с хорошей головой, с острым взглядом на вещи, хорошо говорила, хорошо понимала людей и жизнь вокруг.

Как член партии она никогда ни на какие компромиссы не шла, это порождало и недругов. Но она была чрезвычайно добрым человеком. Я помню, как профессор Стрелков говорил, что ей все можно простить, потому что она родила такого сына, как Рем. Это “всё”, конечно, относилось к ее бескомпромиссности. Не все воспринимали это правильно.

И Виктор, и Мария были честнейшими, истинными членами партии, такими они остались в партии до конца, хотя времена менялись, менялась и партия. Они всегда правильно оценивали все, что происходило вокруг. К докладу Хрущева они оба отнеслись со скепсисом. Но Мария была очень мудрым человеком, вела себя осторожно, очень умно, и говорить об этом не хотела. Она умерла 29 марта 1984 года. Виктор Христофорович остался один. Он умер через шесть лет после смерти Марии... С первой минуты он понял весь трагизм ситуации, вызванной появлением Горбачева.

Лена Дубинина и Рем встретились на физическом факультете, в старом здании на Моховой. Лена была совсем из другой среды, сугубо интеллигентской, академической, а Рем из семьи замечательных коммунистов. Она влюбилась в него безоглядно, на всю жизнь.

Рем был очень красивым, ярким. В него невозможно было не влюбиться. Он был сыном своих родителей, воспитавших его в самых высоких понятиях о чести, долге, человеке. Он был скромным, как его родители и Лена. Они никогда не выпячивали его положения. Его потрясающие успехи все воспринимали как его личные дела, личные достижения. Но этого, может быть, было мало. Это снижало его высоту, он как бы оставался один на один сам с собой, без поддержки на той дороге, по которой шел.

А ведь он был гений. Настоящий гений. Его дар был не наследственный. Это дар от Бога. Но люди не задумываются над этим». [...]

* * *

Рассказывает Лидия Павловна Стрелкова:

«Мария была ученицей моего брата, профессора Сергея Павловича Стрелкова. Они были ровесниками и очень дружили. Я знала и Виктора Христофоровича. Это был настоящий интеллигент, очень скромный человек. Он никогда и ни в чем не навязывал своего мнения и был во всем чрезвычайно корректен. И Мария была светлой личностью.

Рем получил богатое наследство от родителей. Он взял от отца и матери все самое лучшее, ничего не испортил. И бабушка вложила в него очень много. Она больше всех проводила с ним времени. Конечно, и природа наградила Рема. Но он был скромн. Многие люди часто преувеличивают свою значительность, думают о себе больше, чем они значат на самом деле. Но Рем был устойчив. Он не поддавался никаким искушениям власти и успеха».

* * *

Интересны воспоминания Натальи Андреевны Парфентьевой:

«Я сдружилась с Марией Яковлевной, когда в нашей семье случилось горе: умер мой отец, известный кинорежиссер по звуку. Мне тогда было тринадцать лет. Наш дом был переполнен людьми. Мария Яковлевна, которая дружила с моей матерью, взяла меня к себе на некоторое время, и я познакомилась со всей ее семьей.

Это были потрясающие люди. Я никогда не забуду, каким теплом они меня окружили. Рем был намного старше меня, и его отношение ко мне в те дни было освещено удивительным вниманием. Он говорил со мной о жизни, науке, был очень предусмотрителен. В их доме я успокоилась.

Но потом, когда я уже поступила на физический факультет и училась очень хорошо, чувствовала себя в группе настоящей звездой, я решила идти сдавать экзамен по курсу Рема именно ему. А надо сказать, что многие боялись его как экзаменатора, но я, конечно, рассчитывала получить только «пять». Однако в то время, как почти вся группа получила свои «пятерки» у других преподавателей, Рем поставил мне «четыре». Я ужасно обиделась и никогда не могла этого забыть. Я поняла абсолютно точно: Рем не любил женщин-физиков.

Вот один вопрос, который Мария Яковлевна не раз задавала мне и ответ на который был для нее важен: «Наташка, ты будешь помнить обо мне, когда я умру?» Я не забуду эту семью».

* * *

Но вернемся ко времени 30-х гг.

В 1939 г. Виктор Христофорович был назначен начальником строительства Владимирской ГЭС. В тот год Рему исполнилось тринадцать лет. Теперь каждое лето родители посылали его работать на стройку. Тогда среди высокого уровня начальников нередким было представление о том, что их дети должны получить трудовое воспитание. Советская педагогика тех лет отвергала элитарность, и ничего удивительного не было в том, что сын начальника строительства работает простым рабочим. Вначале он был подсобным рабочим, мыл машины, приходил домой промасленным и пропахшим бензином. Но за два лета он приобрел специальность автослесаря. И как скоро она ему пригодилась, — когда грянула война!

Лето 1941 года. Война. Виктор Христофорович пока остается во Владимире. Начальник Академстроя Корнев формирует из строителей Владимирской ГЭС 6-ю саперную армию, которая затем направляется под Брянск, но попадает в окружение. Долгое время от Виктора Христофоровича не было никаких вестей.

В эти дни Мария Яковлевна занимается организацией народного ополчения, строительством оборонных сооружений, эвакуацией людей и оборудования в Ашхабад, подготовкой перестройки работы факультета на нужды фронта.

Весной 1941 г. Рем заканчивает седьмой класс. Теперь он должен работать

и, конечно, продолжать учиться. Но в вечернюю школу рабочей молодежи принимают только в девятый и десятый классы, и он решает готовиться к сдаче экзаменов за восьмой класс. Мария Николаевна, классный руководитель Рема Хохлова, уверена в своем ученике. Она просит учителей проэкзаменовать Рема, и он получает справку, что программа восьмого класса им усвоена, экзамены за восьмой класс сданы.

В этом юношеском поступке отчетливо виден почерк будущего Хохлова. Он уже очень хорошо осознает свои силы и настроен преодолевать препятствия. А впереди – годы войны. Но он сам себе одну за другой будет ставить цели и достигать их, создавая высокий и напряженный темп жизни на всех ее этапах.

Летом 1941 г. артиллерийское училище в Москве объявило прием. Получив справку об окончании восьми классов, Рем вместе со своим другом решает поступать в училище. В отсутствие Виктора Христофоровича Мария Яковлевна сумела найти доводы и отговорила сына от такого решения. «Но там пряжка блестящая», – защищаясь, только и сумел сказать сын. За этой совсем мальчишеской фразой скрывалось, конечно, большое желание, но он подчинился доводам. И так будет всю жизнь – свои желания он будет подчинять, безусловно, высочайшим идеям, но и неумолимым обстоятельствам и требованиям собственного жестко организованного рассудка.

* * *

В октябре пришло известие, что часть, в которой в звании инженер-майора служил Виктор Христофорович, вырвалась из окружения под Брянском и направлена для возведения укреплений под Пензу.

16 октября 1941 г. под Москвой был прорван фронт.

Люди бежали из города. Военкоматы закрылись. Метро не работало. В учреждениях жгли документы. Минировались мосты. Было страшно. Мария Яковлевна принимает решение не ехать с университетом в Ашхабад. 18 октября Мария Яковлевна и Рем с рюкзаками за спиной пешком направляются в райком (в добровольцы людей зачисляли через райкомы партии), а затем на Курский вокзал, в военный эшелон. Она добровольно вызывается служить в рядах Красной Армии в звании младшего лейтенанта. Командование идет ей навстречу, посылая в ту часть, в которой служит ее муж.

Паника длилась три дня. 20 октября в Москве было объявлено осадное положение. Город штурмовали «мессершмитты», но немцы очень скоро поняли, что москвичи сжечь город не дадут. 13–14-летние подростки, перебегая от одного дома к другому, сбрасывали зажигалки с крыш. На помощь к Москве подходили сибирские войска.

Часть, к которой приписали Рема и Марию Яковлевну, была расквартирована в деревне Бессоновка. Марию Яковлевну сразу же избирают заместителем секретаря партийного бюро роты. Рем работает вольнонаемным в автобатальоне. А через два месяца, в январе 1942 г., 6-я саперная армия направляется под Тулу строить оборонительные заслоны на пути гитлеровцев. Это так называемая вторая линия обороны Москвы.

О зиме 1941–1942 гг. написано немало, ее лютыми морозами фашисты объ-

Рем Хохлов, 1943 г.

ясняли свои неудачи молниеносной войны. Но русский мороз был лют и для Красной Армии. Рему пришлось работать на улице, он несколько раз обморожился. Условия жизни были очень тяжелыми, и в ноябре 1942 г. родители отправляют сына в Москву.

Осень 1942 г. в Москве была особенно холодной. Война была уже не рядом. В безлюдную Москву с висящими в небе аэростатами постепенно возвращались москвичи. С первых чисел декабря Рем начинает работать в авторемонтных мастерских. Однако в Москве условия жизни не легче – напряженный труд, дальние поездки на работу, холод, недоедание и упорные занятия по ночам. Ему шестнадцать лет, он учится в вечерней школе рабочей молодежи.

«Вы можете потерять сына, – пишут Марии Яковлевне соседи. – Он спит по три часа в сутки. Такую учебу и работу не может выдержать юношеский организм». Весной 1943 г. Рем оставляет работу в мастерских и готовится к сдаче экзаменов. Он усваивает программу за де-

вятый и десятый классы и в июле 1943 года сдает экзамены. По литературе и химии у него хорошие оценки; по русскому языку, математике, физике, истории, географии, Конституции СССР, английскому языку, рисованию и черчению – отличные. Аттестат подтверждает, что Рем Викторович Хохлов в июле 1943 г. при школе № 610 города Москвы экстерном сдал экзамены за полный курс средней школы.

1943 год – это был победный год в истории Великой Отечественной войны Советского Союза. Разгром немецких войск под Сталинградом, на Орловско-Курской дуге, дальнейшее победоносное наступление уже технически оснащенной армии.

Успехи армии сразу же отразились в постановлениях правительства по развитию народного хозяйства, науки и культуры.

Так, 15 сентября 1943 г. принято постановление Совнаркома СССР об освобождении студентов от призыва в армию, о размерах и порядке назначения стипендий в вузах и техникумах, 18 сентября вышло еще одно важное постановление о порядке отпуска на учебу в вузы и техникумы работников оборон-

ных и ряда других промышленных предприятий. Для восстановления мирного хозяйства, нормальной жизни страны из действующей армии возвращаются специалисты.

Осенью 1943 г. Виктора Христофоровича и Марию Яковлевну отзывают из армии. Семья Хохловых вновь собирается в Москве.

* * *

В августе 1943 г. Рем Хохлов поступил учиться в Авиационный институт имени Серго Орджоникидзе на авиамоторный факультет.

Можно с уверенностью сказать, что, закончив его, он стал бы выдающимся конструктором двигателей, а вполне вероятно, – и двигателей космических кораблей. Кто знает, может быть, эта судьба более соответствовала его интеллектуальному размаху, его неисчерпаемой энергии и его организационному дару. Отец не разделял желания Марии Яковлевны и Марии Гавриловны о переводе сына в университет. Но Рем Викторович говорил, что это был его самостоятельный выбор.

Спустя много лет Мария Яковлевна скажет, что она сделала для сына два главных дела – сумела удержать его от поступления в артиллерийское училище и перевела из Авиационного института в Московский университет. Но она сделала для него неизмеримо больше, когда рано подготовила к вступлению в реальную жизнь, собственным примером, как и примером отца, определила глубинные нравственные приоритеты, рано открыла перед ним двери в науку, сумела ввести его в круг людей высокого университетского уровня – квинтэссенцию интеллектуальной жизни России. Безусловно, слова, сказанные Бруно Понтекорво об Энрико Ферми, можно отнести и к ее сыну: он «стал великим именно потому, что его интересы определялись, а интеллектуальные запросы удовлетворялись, когда он был еще мальчиком». Великая Отечественная война, которую подростком пережил Рем Хохлов, способствовала концентрации его сил и утверждению целеустремленности, открыв меру вещей.

Получив отличные оценки на первой сессии в Авиационном институте, в феврале 1944 г. Рем решает уехать в Рыбинск – Авиационный завод № 36 Министерства оборонной промышленности приглашал на работу студентов, имеющих рабочие специальности. Он привык быть ответственным за собственное положение, он привык работать и учиться, и он предполагает, что в Рыбинске, работая, сумеет заниматься, а вернувшись, сдаст экзамены за второй семестр.

Но работа оказалась очень тяжелой. И не только потому, что приходилось работать по двенадцать часов в дневную и ночную смены, что не было возможности учиться, хотя он писал домой, что пытается заниматься, а угнетала мысль о том, что усилия затрачиваются почти впустую. «Кажется, мы здесь не очень нужны», – пишет он родителям. Весной он заболевает желтухой, и его отправляют в Москву.

Мария Яковлевна вспоминала, как однажды, вернувшись домой, она вдруг увидела сына, сидевшего на ступеньках у дома, евшего сырую свеклу, купленную на базаре. [...]

*Студенты-физики на праздничной демонстрации.
Слева направо: В. Орлов, В. Григорьев, Е. Дубинина, Р. Хохлов, В. Гольдин, 1946 г.*

Вот из таких – на грани голода и на грани смерти – картин складывалась жизнь людей во время войны. Но какая непобедимая сила была сконцентрирована в народе!

Рем успешно сдал экзамены в Авиационном институте за второй и третий семестры.

Весной 1945 г. Московский университет объявляет прием студентов из других вузов на старшие курсы своих факультетов. Рем Хохлов был только второкурсником, но подал заявление о зачислении, и 4 апреля 1945 г. он зачислен на второй курс Московского государственного университета. Ректором университета тогда был профессор Илья Саввич Галкин, деканом физического факультета – член-корреспондент АН СССР Александр Саввич Предводителев.

Главную роль в переводе студента Хохлова в МГУ сыграл заведующий учебной частью физического факультета Георгий Пафнутьевич Дьяков. Но и, конечно, отличные оценки Рема Хохлова, который к тому же в течение ряда месяцев посещал на факультете лекции по физике и математике. Неформальный и по существу правильный подход Георгия Пафнутьевича подарил университету выдающегося ученого.

* * *

Хохлов пришел учиться на физический факультет в год, который навечно во-

шел в историю России, – в год Великой Победы. Разные войны переживала страна, но не было более тотальной, более фанатичной, человеконенавистнической, чем нашествие гитлеровской Германии. Выстоять против такого врага, сокрушить его мощь, суметь создать уже в процессе ведения войны свою мощную технику и стоическую армию – это было под силу лишь государству, где власть и народ жили одними надеждами и одними делами. Именно с таким ощущением единения тогда, в 1945 г., начинала новую жизнь страна, а вместе с ней потянувшиеся к знанию возвращавшиеся с фронтов недавние солдаты и офицеры Красной Армии и те, кто приходил в вузы прямо со школьной скамьи.

Еще не утихли голоса войны, но школьники и солдаты уже штурмуют высоты науки и техники, культуры и искусства. Физики отличаются от юристов, лингвистов, химиков изрядной долей самомнения и претензий на исключительность. И, действительно, кому, как не им, вместе с победившими и недавно севшими за парты солдатами было чем гордиться! Создавая атомную и космическую эру, физики обещают обществу наступление эры интеллекта, познания и изобилия. Мысль физика претендует на новое мышление, открывающее универсальную картину мира.

Это было время, насыщенное исключительными событиями, порой мирового масштаба, в которых Советскому Союзу была отведена первая роль и которые в своем основании были связаны с наукой, с физикой. Потсдамская конференция, где Трумэн сообщает Сталину о новом оружии невероятной разрушительной силы, и сообщение в 1947 г. об открытии секрета атомной бомбы. В том же году Королев вместе с Глушко на параде в Тушине демонстрируют полет бомбардировщика Пе-2 с реактивной установкой. Атомщики и ракетчики объединяют свои усилия в создании ядерно-ракетного щита для обороны страны.

Успехи страны вызывали восхищение даже у иностранцев. В 1945 г. на сессии Академии наук, посвященной ее 220-летию, член американской делегации, прибывшей на торжества, профессор А. Поуп говорил: «Мы ожидали многого. Но действительность превзошла все наши ожидания. Мы поражены вашей интеллектуальной жизнеспособностью, быстротой и решимостью, с которой вы залечиваете ужасные разрушения, произведенные войной»⁷.

И для Рема Хохлова фронт, прошедший через его жизнь, борьба за выживаемость, не дававшая возможности отступить, проявить слабость, утверждение в себе личности, самоорганизованность, которая стала вторым «я», чувство победы, открывшаяся мирная жизнь стали стартовой площадкой в будущее, которое можно строить своими руками.

Вспоминая те годы, друг Рема Хохлова, академик Дмитрий Васильевич Ширков писал:

«Мы, студенты той поры, живо ощущали, что наш завтрашний день будет связан с интересными и ответственными делами, с проникновением в тайны природы и серьезной работой, нужной для науки и Родины. Обстановка, в ко-

⁷ Кедров Ф. Капица. Жизнь и открытия. М., 1984. С. 62.

Семья Хохловых и их дети Алёша и Дима. Москва, 1963 г.

торой мы учились, способствовала быстрому научному и гражданскому созреванию. Студенты – старшекурсники организовывали и проводили самостоятельные научные семинары, некоторые из них даже читали спецкурсы своим однокашникам в университетских аудиториях.

Наши профессора одновременно с чтением лекций и написанием оригинальных курсов по возникающим на наших глазах новейшим разделам физики занимались таинственными и важными делами, такими, например, как строительство первой в мире атомной электростанции. Параллельно этому они находили время для реконструкции высшего образования.

Именно в это время был открыт физико-технический факультет в Московском университете, затем продолжавший работать в Долгопрудном (позднее преобразованный в Физико-технический институт), где учебный процесс был основан на новаторской идее тесного сотрудничества с базовыми научно-исследовательскими учреждениями.

Многим из нас повезло стать дипломниками и аспирантами ведущих учебных. Рем Викторovich, напротив, выбрал себе кафедру колебаний, известную своими традициями, но лишённую в тот момент блеска ярких имен.

Этот шаг, удививший в свое время некоторых его, казалось, более «удачливых» товарищей, был, несомненно, ранним проявлением самостоятельности и независимости, столь характерных для всей его последующей жизни. Научная молодость Хохлова прошла не под сенью какого-либо ученого светила, не в недрах чьей-либо научной школы. Перефразируя известный английский

оборот, можно сказать, что он “сам сделал себя” ученым. И именно это помогло ему в короткий срок создать собственную научную школу и успешно руководить ею.

“Сам сделал себя” – так можно сказать о многих других сторонах личности Хохлова. Как я представляю себе это сейчас, Рем выработал четкую систему жизненных правил, исходя из которых, он сознательно развивал некоторые свои качества. Внимательность к окружающим, готовность прийти на помощь несомненно входили в их число, поскольку в зрелом возрасте проявлялись чаще и более четко. Наряду с этим – обязательность, верность слову, верность дружбе и невозможность компромиссов по принципиальным вопросам.

С молодых лет Хохлов ставил себе задачи “на пределе возможностей” и, чтобы выполнить намеченное, постоянно жил в состоянии полной мобилизации. Не обладая от природы крепким здоровьем, он задался целью стать сильным и здоровым – и сделал это. Друзья помнят его выражение: “болеть – позорно”. Для того чтобы не болеть и, несмотря на все возрастающую нагрузку, быть в отличной умственной и физической форме, в последние годы, уже став академиком, ректором, депутатом Верховного Совета СССР и так далее, Хохлов не изменил своим привычкам и начинал день с “часа личной жизни”.

В семь утра в любую погоду он выходил в спортивной одежде на улицу и, пробежав три-четыре километра, приступал к интенсивной получасовой зарядке, включая упражнения на гимнастических снарядах. Утренний час здоровья давал ему заряд бодрости на весь рабочий день, длившийся иной раз более двенадцати часов.

Если назвать крупнейшие работы Хохлова в области физики, вспомнить его научно-организационные достижения, академические ранги и обязанности, высокие общественные и партийные посты, то получится перечень, характерный для маститого ученого, прошедшего в науке большой путь и достигшего высот признания.

Но это был еще молодой, полный сил и замыслов, жизнерадостный, общительный человек, активный ученый и педагог, окруженный молодежью, сильный спортсмен в одном из самых романтических и опасных видов спорта.

Совмещение этих двух сущностей в одном человеке составляло главную особенность неповторимого обаяния Хохлова. Силу этого обаяния испытали все те, кому посчастливилось его знать. Эта же особенность продолжает и теперь привлекать интерес к его фигуре»⁸.

* * *

Рем Хохлов с отличием окончил Московский университет в декабре 1948 г., а в марте 1949 г. он зачислен в аспирантуру физического факультета. Ему двадцать два года. Он определил главную задачу жизни – выбрал дорогу ученого и уже почувствовал свои возможности как физик-теоретик.

⁸ Ширков Д. В. Портрет с близкого расстояния. Природа. № 1. 1983. С. 120.